

Ю. Д. Апресян

ДЕЙКСИС В ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ И НАИВНАЯ МОДЕЛЬ МИРА

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НАИВНОЙ МОДЕЛИ МИРА

Коротко говоря, идея наивной модели мира состоит в следующем: в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка. Иногда она называется *наивным реализмом* (термин Р. Халлига и В. Вартбурга), потому что образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира.

Эта идея в различных ипостасях и версиях представлена во все ключевые эпохи новейшей истории лингвистики. Восходит она к учению В. Гумбольдта о «внутренней форме» языка. В сущности, вариациями на тему «внутренней формы» являются понятие значимости у Ф. де Соссюра, гипотеза «лингвистической относительности» Э. Сэпира — Б. Уорфа, равно как и позднейшая американская этнолингвистика, теория семантических полей И. Трира, неогумбольдтианское понятие *Zwischenwelt*'а, учение Л. В. Щербы об «обывательских» понятиях, недавно выдвинутая А. Вежицкой концепция «этносинтаксиса» [1] и многие другие построения лингвистов XX века. Отметим глубокие параллели к теме «внутренней формы» языка в литературоведении и поэтике. Нынешнее литературоведение уже не довольствуется непосредственным выводом художественного текста прямо из жизненного

опыта его автора. Между этими двумя объектами оно ставит третий объект — инвариантный и неповторимый «поэтический мир» автора, опосредствующий его опыт и формирующий его тексты. (Ср. классическое исследование Р. Якобсона и роли статуи в мифологическом мире Пушкина, «Морфологию сказки» В. Проппа, реконструкцию поэтического мира Рабле, предложенную М. М. Бахтиным, и многочисленные современные работы по структурной поэтике.)

В современной лингвистике в результате бурного развития семантики и прагматики, сопоставительного изучения языков, усилившихся контактов с поэтикой и логикой идея систематической и национально своеобразной организации семантического материала в каждом естественном языке получила новые мощные импульсы. Реконструкция наивной модели мира на основе полного описания лексических и грамматических значений начинает рассматриваться как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе. С другой стороны, реконструкция наивной модели мира позволяет изменить стратегию описания языковых значений, сделать ее более общей и пронизательной. Раньше лингвисты рассматривали языковые значения как более или менее непосредственное отражение фактов действительности. Этому соответствовала редукционистская стратегия описания языковых значений через все более простые смыслы вплоть до элементарных — слов универсального семантического метаязыка. Очевидно, что многие языковые значения (быть может, даже подавляющее большинство) и сейчас должны описываться точно таким же образом. Однако в контексте данной работы важно подчеркнуть, что понятие наивной модели мира дает семантике новую интересную возможность. Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной картины мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений, обнаруживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными. При этом оказывается, что наивная модель мира отнюдь не примитивна. Во многих деталях она не уступает по сложности научной картине мира, а может быть, и превосходит ее.

С указанной точки зрения исключительно благодарной задачей оказывается изучение дейксиса в составе лексических и грамматических значений.

2. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОППОЗИЦИИ ДЕЙКСИСА

Когда говорят о дейксисе, упоминают следующие классические дейктические слова: ЗДЕСЬ—ТАМ, СЕЙЧАС—ТОГДА, ЭТОТ—ТОТ, ВОТ—ВОН, Я—ТЫ ([2, с. 102; 3, с. 286-288, 295-297; 4, с. 275; 5, с. 579, 638, 646-650, 669-700], а также монографии и аналитические обзоры по дейксису [6-8]). Здесь же следует учесть и их многочисленные семантические производные, ср. СЮДА—ТУДА, ОТСЮДА—ОТТУДА, СЕГОДНЯ—ВЧЕРА—ЗАВТРА, ТЕКУЩИЙ—ПРОШЛЫЙ—СЛЕДУЮЩИЙ, а также производные второй степени ПОЗАВЧЕРА, ПОСЛЕЗАВТРА, ПОЗАПРОШЛЫЙ и т. п. Все эти слова отражают определенную систему понятий, которую можно было бы назвать наивной физической пространством и времени. Наивные физики пространства и времени, явленные в дейктических словах различных языков, обнаруживают некоторые универсальные черты и ряд особенностей, специфичных для каждого естественного языка. Чтобы показать и то, и другое, перечислим, с некоторыми дополнениями и уточнениями, основные свойства дейктической лексики, как они описаны в упомянутой выше литературе. Это тем более необходимо, что ключевые понятия и оппозиции дейксиса систематически нигде не изложены.

1) Дейктическая лексика эгоцентрична. Ее семантической основой является понятие «я», «ego», «говорящий». Фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка. С одной стороны, фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства¹. С другой

¹ Это тезис, восходящий еще к работе К. Бюлера [2] и ставший почти общепринятым, был в недавнее время оспорен в [9, с. 66—67]. Г. Опалка утверждает, что высказывание не эгоцентрично, а дуоцентрично, т. е. что ориентация задается не только фигурой говорящего, но и фигурой слушающего. Эта поправка представляется нам непринципиальной. Речь идет не о том, какие другие факторы принимают участие в формировании «координатных осей» высказывания, а о

стороны, ссылка на фигуру говорящего образует ядро толкования двух основных пространственных и временных дейктических слов естественных языков — ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, а через них — и всех остальных.

2) Противопоставление «я — не я» лежит в основе главной оппозиции, организующей дейктическую лексику, — оппозиции ближнего (проксимального) и дальнего (экстремального) дейксиса. В некоторых языках представлен еще срединный (медиаальный) дейксис, но мы ограничимся только первыми двумя, поскольку они, видимо, универсальны.

Первоначальное толкование о существовании этой оппозиции дают словарные толкования классических дейктических слов. Приведем в качестве образца толкования из [10]. ЭТОТ — «указывает на кого-что-л. близкое, находящееся перед глазами говорящего, в непосредственной близости к говорящему». ТОТ — «...Не какой-либо другой, именно данный, на который указывает говорящий, о котором идет речь. Об отдаленном лице, предмете (в отличие от этого)». ВОТ — «указательная частица. Употребляется для указания на наличие кого-чего-л. поблизости в данный момент времени...». ВОН — «указательная частица. Указывает на наличие какого-л. предмета в некотором отдалении...». ЗДЕСЬ — «в этом месте. Противоположно: там». ТАМ — «в том месте, не здесь». СЕЙЧАС — «в настоящее время, теперь». ТОГДА — «в то время, в тот момент в прошлом или будущем; не теперь». Я — «употребляется говорящим для обозначения самого себя». ТЫ — «употребляется при обращении к близкому человеку или к какому-либо лицу при грубом, фамильярном обращении».

Хотя традиционное лексикографическое определение ближнего и дальнего дейксиса неточно, о чем мы еще будем говорить, оно поддерживается большинством теоретиков (см. в особенности [5, с. 646-650] и [7]). Справедливости ради скажем, что в ряде работ отмечаются недостатки буквального понимания ближнего и дальнего дейксиса. В частности, в [5 и 11, с. 138-141] приводятся примеры высказываний, описывающих одну и ту же ситуацию, но содержащих полярно противоположные дейктические слова. Москвич, садясь в поезд Москва — Новосибирск, может сказать соседу по купе (особенно если поезд уже тронулся): *Я родился в Москве и прожил здесь <там> всю свою жизнь.* Однако, когда

том, что является определяющим фактором. Очевидно, что в этом отношении у говорящего нет конкурентов.

дело доходит до интерпретации таких примеров, никакой альтернативы понятиям ближнего и дальнего дейксиса, т. е. понятиям реальной близости к говорящему или удаленности от него, не предлагается.

3) Различаются первичный и вторичный дейксис. Первичный дейксис — это дейксис диалога, дейксис нормальной ситуации общения. Говорящий и слушающий видят друг друга, и сознанию каждого из них доступен один и тот же фрагмент окружающий обстановки (только таким дейксисом мы и будем заниматься в дальнейшем). Вторичный дейксис, называемый также нарративным [11, 12] или дейктической проекцией [5, с. 579], не связан непосредственно с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа, в том числе художественного повествования. Его конституирующим свойством является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета. Дейктические слова в этом случае используются для изображения чужого сознания и имеют, как правило, анафорическую или катафорическую функцию. Ср.: *Перемещение преступника удалось проследить до Киева; здесь след его потерялся; Он только сейчас понял, какая радость для него этот неожиданный приезд жены.* В ряде случаев возможна омонимия первичного и вторичного дейксиса; так, в последнем примере *сейчас* может интерпретироваться и как время высказывания, и как предшествующий ему момент в прошлом, когда герою рассказа открылась некая истина о нем самом и о его жене.

Частным случаем вторичного дейксиса является, по-видимому, пространственный дейксис телефонного разговора.

4) Выделяются временной и пространственный дейксис. Они имеют и черты сходства, и черты различия.

Начиная с Г. Рейхенбаха [13], временной дейксис описывается с помощью трех понятий: времени данной речи (speech time), времени события (event time) и точки отсчета во времени (reference time)². В высказывании типа *Петя читает роман* все три временных точки совпадают. В высказывании *Петя читал роман* точка отсчета совпадает с временем речи, а время события предшествует ей. Наконец, в высказывании *Когда я пришел, Петя уже прочитал роман* все три точки разделены: время события (прочтение романа) предшествует точке отсчета (времени моего прихода), а точка отсчета предшествует времени речи.

² К. Бюлер довольствовался двумя понятиями; точка отсчета (origo) у него всегда совпадала с временем речи или местом говорящего.

В недавнее время В. Эрих [12, с. 49] сделала попытку распространить эти временные понятия на пространственный дейксис. Она различает «место говорящего» (place of the speaker), т. е. то место, которое «физически им заполняется»; «денотативное пространство» (denotation space), т. е. пространство, которое говорящий обозначает дейктическим выражением; и «точку отсчета в пространстве» (reference space), т. е. пространство, относительно которого определяется денотативное пространство. Эти три участка пространства не совпадают друг с другом, по-видимому, только в случае вторичного дейксиса. Ср. текст *Лунин решил вернуться в Петербург. Там были его товарищи*. Место говорящего в данном случае может быть расположено где угодно, например в Москве. Денотативным пространством является Петербург, а точкой отсчета — Варшава, где находился Лунин, когда принимал это решение.

Понятие «места говорящего» представляется нам малопродуктивным (см. ниже, раздел 3). Однако, даже если принять предложенное В. Эрих обобщение целиком, было бы ошибкой думать, что временной и пространственный дейксис устроены вполне одинаковым образом. В некоторых существенных отношениях они различаются. Их несимметричность проявляется прежде всего в несимметричности двух основных дейктических слов — ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. В естественном языке действует принцип «дейктической одновременности» [5, с. 685], в силу которого временная точка отсчета — *сейчас* — одна и та же для говорящего и слушающего. Между тем, пространственные точки отсчета для них различны. В телефонном разговоре между Москвой и Петербургом москвич может сказать: *Здесь сейчас идет дождь. А у вас сейчас какая погода?* Он меняет дейктическое обозначение места (*здесь* ⇒ *у вас*), но оставляет неизменным дейктическое обозначение времени.

5) Для пространственного дейксиса существенна, помимо говорящего, еще одна фигура — наблюдатель. В ситуациях, обозначаемых классическими дейктическими словами ЗДЕСЬ—ТАМ, СЮДА—ТУДА, ЭТОТ—ТОТ, ВОТ—ВОН, говорящий и наблюдатель всегда совпадают в одном лице. Имеются, однако, дейктические слова, для которых такое совпадение необязательно. Так, как известно, английский глагол COME. Высказывание *John will come home at five* 'Джон придет домой в пять' может быть сделано человеком, который сам не собирается быть дома у Джона. Процесс перемещения Джона к дому может быть ориентиро-

ван относительно другого наблюдателя, которого говорящий мыслит дома у Джона и которому он эмпатизирует.

К числу слов, дейктических в этом смысле, относятся прежде всего существительные, прилагательные, наречия и предлоги, обозначающие пространственную ориентацию (см. о них в особенности [14, с. 167 и сл.; 15; 16, с. 109-113; 17, с. 16-19; 5, с. 690-691; 18, с. 40-44; 19, с. 24 и сл.; 20; 21, с. 319-322; 8, с. 53]).

б) Возможны два типа ориентации предмета *A* относительно предмета *B* с помощью такого слова — относительная и абсолютная [16, с. 110-112]. Первой соответствует так называемая дейктическая стратегия понимания, второй — недейктическая.

Относительная ориентация предполагает, что в число непосредственных участников описываемой ситуации говорящий мысленно вводит некоего неназываемого наблюдателя. Рассмотрим, например, предложение *Перед машиной стояла девушка*. Оно является вполне корректным описанием ситуации, когда девушка стоит у дверей автомобиля. При этом, однако, мыслится наблюдатель, обзирающий автомобиль «в профиль»; девушка находится между ним и автомобилем.

Подчеркнем, что в данном случае ключевой фигурой является именно наблюдатель, а не сам говорящий, как думают некоторые авторы (например, [19]). Рассмотрим следующий пример. Пусть некто ищет авторучку, которая, по сведениям говорящего, лежит на телефонном столике сбоку от телефонного аппарата. Говорящий может сидеть спиной к столику. Однако, направляя поиск, он будет ориентировать ручку относительно телефона не со своей точки зрения, а с точки зрения ищущего. Он может сказать *Ручка лежит перед телефоном*, если считает, что ищущий подходит к телефону сбоку, и *Ручка лежит справа от телефона*, если считает, что ищущий подходит к телефону со стороны циферблата.

Абсолютная ориентация предполагает, что непосредственное участие в ситуации, описываемой пространственным словом, принимают лишь два участника — ориентируемый предмет *A* и предмет *B*, который служит ориентиром. Вернемся к предложению *Перед машиной стояла девушка*. Оно может описывать и ситуацию, когда девушка находилась у носовой, «фасадной» части автомобиля. Тогда автомобиль воспринимается как предмет с собственной, внутренне присущей ему ориентацией, а предложения понимается недейктично: никакого постороннего наблюдателя в этой ситуации нет.

Относительная и абсолютная ориентация предметов, равно как и соответствующие им дейктическая и недейктическая стратегия понимания высказываний, зависят от многих факторов. Эти факторы могут отличаться от языка к языку, но некоторые из них обладают, по-видимому, универсальной значимостью.

Для абсолютной ориентации (и, следовательно, недейктического понимания высказываний) важны три фактора.

Первым является физическое или анатомическое членение самого предмета *B* на левую и правую стороны, верх и низ, перед и зад. При этом членение предмета *B* (например, человека или животного) на левую и правую стороны с необходимостью влечет за собой его вертикальное и фронтальное членение. Между тем, ни вертикальное, ни фронтальное членение *B* не влечет с необходимостью двух других членений. У дерева есть только верх и низ, у ракеты в космосе — только перед и зад, у телефонного аппарата — верх и низ, перед и зад, но не левая и правая стороны.

Если предмет *B* расчленен вдоль пространственной оси *X* (например, на левую и правую стороны) и если предмет *A* ориентируется именно относительно оси *X* (например, с помощью слов СЛЕВА или СПРАВА), то всегда возможна абсолютная ориентация и, следовательно, недейктическое понимание высказывания. Ср. *Турецкий посол сидел справа <по правую руку> от царя*. Иногда, впрочем, возможна и относительная ориентация (дейктическое понимание); ср. *Иван сидит справа от директора*.

Если предмет *B* не расчленен вдоль пространственной оси *X*, а предмет *A* ориентируется именно относительно этой оси, то возникает относительная, т. е. дейктическая ориентация. Ср. *Переулочек, переул... / Горло петелькой затянул ... / Как по левой руке — пустырь, / А по правой руке — монастырь* (А. Ахматова). Очевидно, что положение пустыря и монастыря относительно переулка определяется положением наблюдателя.

В том случае, когда у предмета *B* нет никакого естественного, физического или анатомического, членения, в действие вступают второй и третий факторы.

Второй фактор — положение предмета *B* относительно центра Земли. На этом основании вертикально не расчлененным предметам (кубикам, кирпичам, шарам и т. п.) актуально приписываются верх (дальше от центра Земли) и низ (ближе к центру Земли). Поэтому предложения типа *Сверху кубика он положил шарик* понимаются недейктично.

Третий фактор — направление привычного перемещения предмета *B*. На этом основании фронтально не расчлененным предметам (например, вагонам) актуально приписываются перед (часть, которая «прибывает» первой) и зад (часть, которая «прибывает» последней). Соответственно предложение типа *Спереди к вагону был прикреплен флаг* понимается недейктивно. Любопытно, что когда предмет имеет анатомический перед и зад и способен к перемещению, но способ перемещения противоречит его анатомии, приоритет имеет анатомия. Мы говорим *Краб движется боком*, так как анатомический перед у краба — со стороны головы [17].

Для относительной ориентации (и, следовательно, дейктического понимания высказываний) важны, помимо анатомического или физического членения предмета *B*, еще два фактора — размеры *A* и *B* и отношение между их размерами и разделяющими их расстояниями. Роль этих факторов будет рассмотрена ниже, в разделе 4.

В заключение этих замечаний об относительной/абсолютной ориентации и дейктическом/недейктическом понимании высказываний отметим, что выбор типа ориентации (и, следовательно, стратегии понимания) может маркироваться грамматическими средствами языков. Так, в артиклевых языках дейктической стратегии может соответствовать нулевой артикль, а недейктической — определенный, но не наоборот [19, с. 29-30, 40]. Ср. английские переводы двух осмыслений предложения *Перед машиной стояла девушка*: *In front of the car (there) stood a girl* (возможно дейктическое осмысление) vs. *At the front of the car (there) stood a girl* (обязательно недейктическое осмысление). Ср. также французские примеры К. Хилла: *C'est ma soeur a gauche de Jean* ('слева от Жана моя сестра' — дейктическая стратегия) vs. *C'est ma soeur a la gauche de Jean* ('По левую руку от Жана моя сестра' — недейктическая стратегия).

7) «Наивные картины» пространства и времени национально специфичны. К. Хилл, например, утверждает, что в английском языке на ориентацию по переду/заду влияет статичность/подвижность наблюдателя [19, с. 23]. В статике дерево воспринимается как стоящее перед башней (in front of), если оно ближе к наблюдателю. Если же наблюдатель перемещается по направлению к башне, то перед башней для него будет то дерево, которое дальше от него. В русском языке ориентация по переду/заду не зависит от перемещения наблюдателя.

Наивная модель времени задается дейктическими словами и формами, которые есть во всех человеческих языках. Слова, обозначающие календарное и суточное время, ближе к научным понятиям и есть только в «культурных языках». Любопытно, что в процессе усвоения языка дети сначала овладевают наивной (дейктической) моделью времени и только потом — более научной (календарной).

На этом мы закончим обзор основных понятий и оппозиций дейксиса. Они послужат отправной точкой для последующего изложения. Нашей непосредственной задачей будет 1) формулировка понятий пространства и времени говорящего и уточнение на их основе традиционного противопоставления ближнего и дальнего дейксиса; 2) исследование роли другого дейктического понятия — понятия наблюдателя — в составе лексических и грамматических значений; 3) формулировка понятия личной сферы говорящего, которое близко к понятиям пространства и времени говорящего и вместе с ними образует существенный фрагмент наивной картины мира.

3. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ГОВОРЯЩЕГО

Выше были приведены традиционные толкования основных дейктических пар ЭТОТ—ТОТ, ВОТ—ВОН, ЗДЕСЬ—ТАМ, СЕЙЧАС—ТОГДА. Как мы видели, различия внутри этих пар обычно сводятся в различиям в фактических физических расстояниях между предметами в пространстве или событиями во времени.

Мы не имеем в виду противопоставить этим толкованиям новое и исчерпывающее описание значений дейктических слов (такая задача могла бы составить предмет монографического исследования). Наша цель скромнее — предложить несколько локальных уточнений к толкованиям дейктических слов, выявляющих тот систематический аспект их семантики, который игнорируется традиционной лексикографией.

ЭТОТ = ‘находящийся в пространстве, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя’. ТОТ = ‘находящийся в пространстве, отличном от того, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя’ (эти два толкования распространяются, с незначительными модификациями, и на частицы ВОТ и ВОН). ЗДЕСЬ = ‘в том месте, где говорящий находится

или где он в момент речи мыслит себя'. ТАМ = 'в месте, отличном от того места, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя'. СЕЙЧАС = 'во время речи говорящего или в то время, в котором он мыслит себя'. ТОГДА = 'во время, отличное от времени речи говорящего или от того времени, в котором он мыслит себя'.

В приведенных толкованиях используются два нетрадиционных понятия: понятие пространства, в котором говорящий в момент речи мыслит себя, и понятие времени, в котором говорящий в момент времени мыслит себя. Таким образом, предлагается считать, что в действительности важны не столько фактические физические пространства и времена, сколько способ их восприятия говорящим. Скажем точнее: в наивной картине мира способ восприятия имеет приоритет перед действительным положением вещей. Когда он расходится с фактами, предпочтение при осмыслении высказывания отдается ему. Рассмотрим несколько таких ситуаций, сначала — из области пространственного дейксиса, а затем — временного.

Пусть в помещении есть двери *A* и *B*, причем дверь *A* находится на расстоянии пяти метров от меня и непосредственно в моем поле зрения, а дверь *B* — на расстоянии трех метров, но за моей спиной. Тогда я могу сказать: *Выход — в эту дверь* (показывая рукой или — в просторечии — указательным пальцем на дверь *A*), *а не в ту* (показывая развернутым назад большим пальцем на дверь *B*). Дело здесь, таким образом, не в фактических физических расстояниях от меня до дверей, а в том, что дверь *A* находится непосредственно передо мной и что я ее вижу. Поэтому она естественно воспринимается как принадлежащая тому пространству, в котором в момент речи я мыслю себя. Между тем, дверь *B*, находящаяся за моей спиной и, следовательно, скрытая от моих глаз, естественно воспринимается как расположенная за пределами моего пространства.

В примере *Вон одна звездочка, вон другая, вон третья: как много!* (И. А. Гончаров) частицу ВОН вполне можно было бы заменить частицей ВОТ. Реальные расстояния до звезд остались бы теми же — изменился бы только способ восприятия пространства говорящим. В первом случае звезды мыслятся как расположенные за пределами пространства говорящего, а во втором — как расположенные в его пространстве, т. е. в том пространстве, где он мыслит себя.

Итак, для описания значений ряда языковых единиц требуется понятие пространства говорящего. Его следует добавить к трем другим пространственным дейктическим понятиям — пространства события, точки отсчета в пространстве и места наблюдателя.

Перейдем к временному дейксису.

Рассмотрим два высказывания: *Я прочитал «Войну и мир» в раннем детстве* и *Я читал «Войну и мир» в раннем детстве*. Часто считается, что в первом из них речь идет о действии, выполненном относительно недавно по сравнению с моментом речи, так что его результат ощущается в настоящем, а во втором — о действии, выполненном достаточно давно. Такая интерпретация представляется нам ошибочной. Ведь и в том, и в другом высказывании речь может идти об одном и том же событии, и «я» этих высказываний может быть одним и тем же лицом. Различия между этими высказываниями состоят не в разной степени удаленности прошлого события от момента речи, а в том, как говорящий воспринимает время этого события. В случае совершенного вида говорящий мыслит время события как образующее единое целое со своим временем, т. е. тем временем, в котором он мыслит себя. Одним из следствий этого обстоятельства является эффект сохранения результата действия в настоящем. В случае несовершенного общефактического (*Он читал этот роман, Он уже ходил за хлебом, Кто открывал окно?*) говорящий мыслит время события как отличное от того времени, в котором в момент речи он мыслит себя. Этим объясняется эффект давнопрошедшего, свойственный общефактическому значению.

Понятие времени говорящего необходимо и для толкования некоторых лексических значений. Возьмем, например, частицы ЕЩЕ и УЖЕ во фразах типа *Еще <уже> в детстве я интересовался шахматами <историей, жизнью птиц>*. Тот факт, что обе частицы способны осмысленно фигурировать в одних и тех же контекстах, наводит на ложную мысль, будто они синонимичны (они действительно толкуются как синонимы во всех современных словарях). Их несинонимичность явно проступает в контекстах максимального противопоставления, где способна употребляться лишь одна из двух частиц. Ср. *Еще вчера я разговаривал с ним, а сегодня его нет в живых* (нельзя сказать **Уже вчера я разговаривал с ним, а сегодня его нет в живых*) — *Уже сейчас ясно, что он проиграет* (нельзя сказать **Еще сейчас ясно, что он проиграет*). Понятие времени говорящего позволяет вскрыть (хотя и не полностью) тонкое различие между ЕЩЕ и УЖЕ [21, с.

325]. *P* еще в *T* = 'Событие *P* имеет место во время *T*; *P* или связанное с ним событие *P'* произошло раньше, чем ожидал говорящий; *T* не совпадает со временем данной речи; *T* не входит во время говорящего'. *P* уже в *T* = 'Событие *P* имеет место во время *T*; *P* или связанное с ним событие *P'* произошло раньше, чем ожидал говорящий; *T* входит во время говорящего'.

В употреблении типа *Я прочитал «Войну и мир» еще в детстве* конфликт между значением совершенного вида и значением частицы ЕЩЕ разрешается в пользу частицы, поскольку лексика сильнее грамматики.

Итак, к трем рейхенбаховским понятиям, необходимым для описания временных значений естественных языков, — времени события, точки отсчета во времени и времени данной речи, — предлагается добавить еще одно — понятие времени говорящего.

Отметим, что эти четыре понятия образуют первичную систему временных понятий наивной физики, связанную с первичной коммуникативной ситуацией — ситуацией непосредственного общения по поводу фактов реального мира. Но язык, как известно, используется не только для обмена мнениями о реальной действительности. В нем возможны и высказывания о действительности, которая является плодом художественной фантазии; ср. настоящее сценических ремарок, сценариев, оперных либретто, названий глав. Для описания видо-временных значений глаголов, выступающих в перечисленных функциях, первичной системы временных понятий явно недостаточно. Не случайно традиционные интерпретации значений видо-временных форм становятся наименее эксплицитными именно при обсуждении такого материала. Традиционная система видо-временных понятий сложилась в результате изучения первичной коммуникативной ситуации. Для описания грамматических значений, возникающих во вторичных коммуникативных ситуациях с совершенно новыми точками отсчета, арсенал временных понятий должен быть не просто расширен, а пополнен целой новой подсистемой. Как она будет выглядеть — покажет будущее. Здесь для нас важно подчеркнуть лишь то, что сам факт существования вторичной подсистемы временных понятий создает еще одно отличие наивной физики времени от научной.

Уточненные толкования классических дейктических слов, при всей своей эскизности и приблизительности, позволяют сформулировать основное свойство всякого дейксиса. Этим свойством является либо совпадение (для *я*-дейксиса), либо несовпадение

(для других разновидностей дейксиса) пространственно-временных координат описываемого факта, как их мыслит говорящий, с теми пространственно-временными координатами, в которых говорящий мыслит себя.

Как видим, наивная физика пространства и времени — это релятивистская физика, хотя и в другом смысле, чем эйнштейновская. Пространство и время релятивизированы взглядом говорящего на мир. По нашему мнению, это свойство языка в гораздо большей степени заслуживает названия «лингвистическая относительность», чем факт национального своеобразия грамматической, лексической или даже семантической системы языка в смысле Б. Уорфа. Оно является, может быть, самой глубокой лингвистической универсалией из всех, какие известны в лингвистике.

4. МЕСТО НАБЛЮДАТЕЛЯ

Дейксис этого типа распространен гораздо шире, чем принято думать. Его можно обнаружить в лексических значениях практически всех грамматических классов слов, но типичен он для пространственных существительных, прилагательных, наречий и предлогов.

Так, в словосочетаниях типа *высота контейнера для мусора* наблюдатель оценивает вертикальную протяженность контейнера при взгляде сбоку, а в словосочетаниях типа *глубина контейнера для мусора* он оценивает ее при заглядывании внутрь контейнера.

Левая тумба стола значит 'находящаяся слева от наблюдателя при его нормальном положении во время работы за столом', а *правая тумба стола* значит 'находящаяся справа от наблюдателя при его нормальном положении во время работы за столом'.

Особого внимания заслуживают некоторые группы пространственных наречий и предлогов.

Рассмотрим прежде всего группу пространственных наречий ВДАЛЕКЕ, ВДАЛИ, ВБЛИЗИ, ВДАЛЬ в сопоставлении с близкой к ним по смыслу группой наречий ВВЕРХУ, ВНИЗУ, НАВЕРХУ, ВВЕРХ, ВНИЗ, ВПЕРЕДИ, СЗАДИ, ДАЛЕКО, НЕДАЛЕКО, ИЗДАЛЕКА, ДАЛЬШЕ, БЛИЖЕ, ВЫШЕ, НИЖЕ.

Из наречий первой группы будут проанализированы только ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ, поскольку остальные наречия семантически устроены по тому же образцу.

В собственно пространственном значении этих наречий можно выделить два класса употреблений — с нереализованной и реализованной второй валентностью.

В первом круге употреблений всегда реализуется дейктическая стратегия. Его можно иллюстрировать примерами *Сколько я ни старался различить вдалеке что-то наподобие лодки, но безуспешно* (М. Ю. Лермонтов); *Кучер повернул к видневшейся вдалеке деревне* (К. Паустовский); *И вдруг, утробным воем воя, / Все море вспыхнуло вдали* (Н. Заболоцкий).

Очевидно, что во всех этих текстах ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ значат не просто ‘на значительном расстоянии’. ‘На значительном расстоянии’ — более или менее симметричный предикат. Между тем, наречия ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ с нереализованной второй валентностью обозначают явным образом несимметричные отношения между двумя пространственными точками X и Y . В точке X находится наблюдаемый объект (в приведенных примерах — лодка, деревня, все море). Оценка расстояния до этого объекта производится из точки отсчета Y , где находится наблюдатель. Недаром нельзя сказать **Вдали появился я верхом на лошади, *Вдалеке стояли мы с Володей*. Указанная пространственная ориентация ситуации не может быть изменена. Любопытно, что совсем иначе ведут себя слова ДАЛЕКО, НЕДАЛЕКО, ИЗДАЛЕКА — совершенно объективные констатации того, что два объекта находятся на значительном расстоянии друг от друга. С равным успехом можно сказать *Я был в Москве, а он был далеко* и *Он был в Москве, а я был далеко*. Ср. также *Я был недалеко и все хорошо видел, Я приехал издалека*.

Во втором круге употреблений реализуется, как правило, недейктическая стратегия. Его можно иллюстрировать примерами *Хутор лежал вдалеке от железной дороги; Скоро вдалеке от камней вспыхнуло на черной воде яркое дрожащее пламя* (Л. Соболев); *Вдалеке от милого, в неволе, / Зачем мне жить на свете боле?* (А. С. Пушкин).

В таких текстах ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ значат, скорее всего, ‘на большом расстоянии’, т. е. задают более или менее симметричное отношение, без наблюдателя. Действительно, никакой неизменной, раз и навсегда данной точки отсчета в этих ситуациях нет. Такая, например, фраза, как *Хутор лежал вдалеке от железной дороги*, уместна и в ситуации, когда наблюдатель находился на хуторе, и в ситуации, когда он находился на железной дороге или

в каком-то третьем месте. Тем самым положение наблюдателя в данном случае нерелевантно.

На основе сказанного может возникнуть мысль, что у наречий ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ имеется по два разных значения — значение относительной ориентации (первое) и значение абсолютной ориентации (второе). Нам представляется более адекватным описание, усматривающее в обоих случаях употребления наречий одно и то же лексическое значение, но с определенной семантической модификацией в условиях невыраженности второй валентности.

Наречия второй группы — ВВЕРХУ, ВНИЗУ, НАВЕРХУ, ВВЕРХ, ВНИЗ, ВПЕРЕДИ, СЗАДИ, ДАЛЕКО, НЕДАЛЕКО, ИЗДАЛЕКА, ДАЛЬШЕ, БЛИЖЕ, ВЫШЕ, НИЖЕ, несмотря на очевидную семантическую близость к наречиям первой группы (ср. в особенности пары ВДАЛЕКЕ и ДАЛЕКО, ВБЛИЗИ и НЕДАЛЕКО, ВДАЛЬ и ИЗДАЛЕКА), все же отличаются от них. Они могут обозначать абсолютную ориентацию (т. е. пониматься недейктически) не только в конструкциях с насыщенной валентностью ориентира, но и в конструкциях с ненасыщенной валентностью ориентира. Пусть, например, речь идет о соревнованиях по скалолазанию. Высказывания типа *Володя был наверху* уместны и в ситуации, когда наблюдатель стоял наверху рядом с Володей, и в ситуации, когда наблюдатель и Володя находились в разных точках горы: Володя наверху, а наблюдатель — внизу. Все сказанное верно, *mutatis mutandis*, и относительно высказываний типа *Володя был внизу*. Пространственное положение Володи определяется не относительно наблюдателя, а относительно какого-то другого объекта, актуализированного в сознании коммуникантов либо предшествующим текстом, либо конситуацией. Аналогичным образом *Володя был впереди* <сзади, дальше, выше и т. п.> можно сказать и тогда, когда наблюдатель находился рядом с Володей, и тогда, когда они были в разных местах. Следовательно, и здесь наблюдатель ни при чем.

Перейдем к пространственным предлогам.

Рассмотрим фразы *Из-за мыса, рассекая волны, выплыл громадный пароход* (М. Горький); *Солнце чуть показалось из-за темно-синей горы* (М. Ю. Лермонтов); *Из-за облака опять выплыла луна*; *Однообразное тиканье часов по-прежнему раздавалось из-за стены*. Нет никаких сомнений, что помимо непосредственных участников в описываемых здесь ситуациях присутствует некий неназванный наблюдатель, местонахождение которого

относительно пространственной преграды — мыса, горы, облака, стены — абсолютно жестко определено: он находится по эту сторону преграды, между тем как фактически упоминаемые в текстах объекты либо находились, либо находятся по ту сторону преграды. Следовательно, в данном значении предлога ИЗ-ЗА содержится дейктический элемент интересующего нас типа.

Возьмем теперь предлог ИЗ, семантически родственный предлогу ИЗ-ЗА, но относительно дейксиса устроенный по-другому. Рассмотрим, например, фразу *Иван вышел из дому и медленно побрел по улице*. Местоположение наблюдателя в этом случае абсолютно не имеет значения. Он мог быть в доме и наблюдать в окно факт ухода Ивана или находиться на улице и зарегистрировать факт его появления. Анализируя этот и другие подобные тексты, естественно сделать вывод, что в значении предлога ИЗ не содержится никаких дейктических элементов.

Этому выводу противоречат как будто фразы типа *Из комнаты вышел мальчик*. Если они произносятся с нейтральной интонацией, т. е. в порядке спокойной констатации открывшегося взору положения вещей, то местонахождение наблюдателя оказывается небезразличным. В частности, в приведенном тексте он незримо присутствует, и притом вне того помещения, которое покинул мальчик.

Однако имеющийся в данном высказывании эффект присутствия наблюдателя связан не с лексическим значением предлога ИЗ, а скорее с коммуникативной организацией предложения. Можно обратить внимание на то, что в высказывании *Из комнаты вышел мальчик* слово МАЛЬЧИК занимает ту позицию, в которой обычно вводится неопределенный объект, новая информация и рема высказывания. Очевидно, в частности, что объект «мальчик» вводится в рассмотрение впервые. Между тем, если бы наблюдатель находился в комнате, то мальчик, покидающий ее, не мог бы быть объектом, впервые представившимся его вниманию. Поэтому не исключено, что в данном случае эффект присутствия наблюдателя вне того пространства, в котором находился наблюдаемый объект, связан с категорией определенности/неопределенности или данного/нового.

Анализ двух других дейктических пространственных предлогов — ЗА и ПЕРЕД — показывает, что пространственная ориентация предметов релятивизирована восприятием наблюдателя. Поскольку семантические структуры этих предлогов аналогичны, достаточно будет рассмотреть лишь один из них.

Что значит высказывание *Перед горой лежало озеро*? Прежде всего то, что озеро находилось между горой и наблюдателем. Этого, однако, мало. Существенно, что в восприятии наблюдателя (или говорящего) озеро соизмеримо по величине с горой. Высказывания, где это условие не выполнено, по меньшей мере сомнительны; ср. ^{??}*Перед корпусом завода лежала горошина*. Подчеркнем, что и здесь важны не фактические размеры озера и горы, а лишь их восприятие наблюдателем или говорящим. Фактически озерцо может быть крохотным, а гора — огромной; тогда важно, чтобы она представлялась не слишком большой, например, в силу своей удаленности. Другое существенное условие — следующее. Расстояние от горы до озера должно восприниматься как соизмеримое с величиной озера. Фактически от озера до горы может быть день пути, но в условиях плохой видимости, оптического обмана или других феноменов может казаться, что она находится более или менее непосредственно за озером. Тогда высказывание *Перед горой лежало озеро* оказывается вполне корректным.

До сих пор дейктические элементы рассматривались в составе лексических значений пространственных существительных, прилагательных, наречий и предлогов. В ряде европейских языков аналогичные или даже в точности такие же дейктические элементы характерны для значений некоторых глаголов, обозначающих пространственное перемещение. Ср. английские *come* и *go*, немецкие *kommen* и *gehen*, французские *venir* и *aller* и т. п. В русском языке ясные примеры такого типа нам неизвестны. Попытки сблизить с ними пары типа *прийти* — *уйти*, *приехать* — *уехать*, *принести* — *унести* и т. п. представляются нам неубедительными. Действительно, высказывание типа *Они уже две недели путешествуют по Кавказу и вчера пришли <приехали> в Терскол* вполне уместно в ситуации, когда сам говорящий не находится в Терсколе и никакого наблюдателя там не мыслит.

Однако в русском языке имеется немало глаголов, в лексическое значение которых входит другой тип дейксиса — идея несовпадения говорящего и наблюдаемого объекта. В этом отношении интересен глагол *показываться*. Он похож на английский глагол *lurk*, введенный в научный обиход в [22]. Его значение дейктично в только что описанном смысле. Вполне правильна фраза *На дороге показался отряд всадников*, но вряд ли говорящий может сказать о себе **Я показался на дороге*, если, конечно, он не смотрит на факт своего появления на дороге глазами другого человека; ср. *Иван сказал, что я показался на дороге совер-*

шенно неожиданно. Как видим, глагол *показываться* ведет себя совершенно так, как наречия *вдалеке* и *вдали*.

Сейчас к глаголу *показываться*, значение которого очевидным образом дейктично в указанном смысле, можно добавить глаголы *маячить*, *виднеться*, *исчезать из виду*, *как сквозь землю провалиться*, с дейксисом того же типа (ср. **Я исчез из виду <маячил невдалеке>*), и большую группу отадъективных стативных глаголов, обозначающих восприятие цветowych объектов: *белеть*, *желтеть*, *зеленеть*, *краснеть*, *темнеть*, *чернеть* и т. п. У последней группы глаголов имеется общая сочетаемостная особенность — субъектом соответствующих состояний не может быть человек — и общее, уже указанное дейктическое свойство: несовпадение говорящего с наблюдаемым объектом. Фразы типа *Только тело Ивана белело в темноте* вполне правильны, а фразы типа *Только мое тело белело в темноте* возможны лишь в порядке цитирования чужого высказывания: *Иван сказал, что только мое тело белело в темноте*.

Теперь рассмотрим коротко грамматические дейктические значения.

Одной из самых бесспорных грамматических категорий, традиционно признаваемых дейктическими, является категория глагольного времени [23-26]. Представляется, что к ней следует добавить и категорию глагольного вида, которая обычно дейктической не считается [5, с. 687; 26, с. 14].

В [21, с. 329-330] было обращено внимание на нетривиальное семантическое различие несовершенного и совершенного видов в парах *доходить* — *дойти*, *кончатся* — *кончиться*, *начинаться* — *начаться*, *обрываться* — *оборваться*, *поворачивать* — *повернуть*, *проходить* — *пройти* и др. в тех случаях, когда они характеризуют свойства протяженных пространственных объектов типа дорог, рек, каналов, границ и т. п. В форме несовершенного вида фразы типа *Тропа кончается <обрывается> у реки; Дорога поворачивает на юг на десятом километре* представляют собой простые констатации объективного положения вещей; конец тропы приходится на то место, которое граничит с рекой, поворот имеет место на участке, который находится где-то между девятым и десятым километром, и т. п. Между тем, в форме совершенного вида те же фразы значат гораздо больше. В них есть эффект присутствия наблюдателя, либо совпадающего с говорящим, либо мыслимого им. Предложение *Тропа кончилась <оборвалась> у реки* не только констатирует объективное положение вещей, но и

сообщает, что это положение вещей было зарегистрировано сознанием перемещавшегося по тропе наблюдателя. Таким образом, значение граммемы совершенного вида у глагольных лексем рассматриваемой группы тоже имплицитно дейктично.

5. ЛИЧНАЯ СФЕРА ГОВОРЯЩЕГО

Понятие личной сферы говорящего удобно иллюстрировать на примере дейктического местоимения *ты*. Часть наблюдений заимствована нами из [27].

Начнем с того, что общепринятое толкование *ты* — «употребляется при обращении к близкому человеку или к какому-либо человеку при грубом, фамильярном обращении» [10] — не дает достаточного представления о нормах его употребления в русском.

В самом деле, ребенку можно говорить *ты*, не зная его близко и не будучи с ним ни грубым, ни фамильярным. *Вы* в этой ситуации выглядело бы аффектированным.

Литературной нормой в русском языке, свободной от всякого налета грубости или фамильярности, считается мысленное обращение на *ты* по отношению к любому человеку (человеку в родовом статусе), которого призывают к чему-либо в порядке выполнения его долга, предупреждают о грозящей ему в некоторых ситуациях опасности и т. п. Ср. *Но ты, художник, твердо веруй / В начала и концы* (А. Блок); *Не спи, не спи, художник, / Не предавайся сну. / Ты вечности заложник / У времени в плену* (Б. Пастернак). Ср. также плакаты и объявления типа *Что ты сделал для фронта?, Берегись автомобиля!*

На *ты* следует обращаться к божеству, ангелам, духам и т. п.: *Морфей, до утра дай отраду / Моей мучительной любви... / Когда же умчится ночи мгла / И ты мои покинешь очи* (А. С. Пушкин); *Поместья мирного незримый покровитель, / Тебя молю, мой добрый домовый, / Храни селенье, лес и дикий садик мой* (А. С. Пушкин); *О, господи мой боже, / Зеленоглазый мой... / Дай же ты всем понемногу / И не забудь про меня* (Б. Окуджава).

Точно такое же мысленное обращение, с теми же стилистическими эффектами, принято по отношению к природе и другим космическим объектам, а также к любым олицетворяемым природным объектам, к странам, городам и т. п.: *Природа, мир, тайник вселенной, / Я службу долгую твою, / Объятый дрожью со-*

кровенной, / В слезах от счастья отстою (Б. Пастернак); Ты, солнце святое, гори! (А. С. Пушкин); Он был, о море, твой невец! (А. С. Пушкин); Прощай, немая Россия... / Быть может, на горах Кавказа / Сокроюсь от твоих пашей (М. Ю. Лермонтов).

Эффект олицетворения делает возможным мысленное обращение на *ты* к любым вещам, связанным с говорящим. Это прежде всего атрибуты человека, части его тела, предметы его собственности и т. п. Вещь олицетворяется для общения с ней и в силу этого становится близкой говорящему: Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана? (А. С. Пушкин); Утро дышит в окошко твоё, / Вдохновенное сердце мое (А. Блок); Зачем ты просишь новых впечатлений / И новых бурь, пытливая душа? (Н. Заболоцкий); Подруга думы праздной, / Чернильница моя; / Мой век разнообразный / Тобой украсил я (А. С. Пушкин); Рифма — звучная подруга / Вдохновенного досуга... / Ты умолкла, онемела; / Ах, ужель ты улетела (А. С. Пушкин).

Ты — единственно возможное в неаффектированной речи обращение к животным: Теперь отдыхай! / Уже не ступит нога / В твоё позлащенное стремя (А. С. Пушкин); Кобылица молодая, / Честь кавказского тавра, / Что ты мчишься, удаляя? (А. С. Пушкин); Ты по-собачьи дьявольски красив (С. Есенин); А ты, соловей, призвожденный к искусству, / В свою Клеопатру влюбленный Антоний (Н. Заболоцкий).

Лексикографическое описание всех этих фактов, полностью игнорируемых общепринятыми определениями местоимения *ты*, можно строить двумя способами.

Во-первых, можно «поименно» перечислить ситуации, где нормы русского литературного языка, вопреки словарным предостережениям о грубости или фамильярности *ты*, требуют употребления именно этого местоимения. Пришлось бы перечислить минимум шесть ситуаций, без гарантии, что не найдется седьмая, не предусмотренная этим перечнем. К умершим, например, можно обращаться на *ты*, даже если при жизни был с ними на *вы* или вообще их не знал. Ср. строки из стихотворения Н. Заболоцкого «Бетховен»: И понял ты живую прелесть мира / И отделил добро его от зла. Та же норма действует и в надгробных речах. Это показывает, что в общественном представлении перед лицом смерти все равны, она разрушает условные преграды между людьми. Добавим и восьмую ситуацию, указанную (устно) Л. Л. Йомдиным, — воображаемое обращение на *ты*. Оно воз-

можно по отношению к любому человеку, ср.: *Ах ты, хитрец, — подумал я.*

Во-вторых, можно воспользоваться понятием личной сферы говорящего, которая должна быть описана всего один раз и отдельно от словарных толкований — как относительно самостоятельный фрагмент наивной модели мира. В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально — некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы, природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты, боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании. Личная сфера говорящего подвижна — она может включать большее или меньшее число объектов в зависимости от ситуации. В частности, в некоторых ситуациях она расширяется настолько, что в нее входят и незнакомые говорящему люди, его «ближние». В своих единицах и правилах русский язык кодирует ту моральную истину, что все люди братья, и дает говорящим возможность реализовать ее в любой ситуации, позволяющей забыть о социальных и иных перегородках между людьми. Обращаясь к конкретному человеку, мы обязаны помнить о разделяющей нас социальной дистанции. Но когда мы обращаемся к человеку вообще («в родовом статусе») или к человеку после его смерти, мы не думаем более о социальных преградах и включаем его в свой мир.

После того, как понятие личной сферы говорящего построено, при толковании местоимения *ты* достаточно сказать, что такого обращения удостоивается любой объект, который в нее входит. *Вы* (вежливое), по контрасту, становится способом обращения к тем объектам (преимущественно людям), которые находятся за пределами личной сферы говорящего. Возможно, что грубовато-фамильярное *ты* придется тогда выделить в самостоятельное значение или подзначение.

Понятие личной сферы оказывается неожиданно продуктивным при интерпретации языковых фактов, которые на первый взгляд не имеют ничего общего друг с другом. Так, звательный падеж в современном русском языке (*Маи, Коль, пап, мам*), безусловно, является средством включения адресата в личную сферу

говорящего³. Добавим, что есть отчетливая корреляция между использованием звательных форм и обращением к тому же человеку на *ты*. Упомянем еще псевдоинклюзивные глагольные формы первого лица множественного числа (ср. *Ляжем, перевернемся на живот, встанем* в ситуации врачебного осмотра или *Давайте останемся* в устах кондуктора, прекращающего посадку на трамвай), уместные только в тех случаях, когда говорящий включает слушающего в свою личную сферу. Точнее, само такое обращение (в отличие от простого императива) является актом приобщения слушающего к личной сфере говорящего, обозначением сопереживания. Ср. ситуацию из романа И. Грековой «Пороги»: *Пришла палатный врач ... Она разговаривала с ним на «мы»: «Ну, как мы себя чувствуем? Давление у нас нормальное, разве чуточку повышено, но ведь нам не двадцать лет?»*.

Естественный язык располагает, конечно, и средствами исключения объектов из личной сферы говорящего. К их числу относится, например, использование форм прошедшего времени несовершенного вида для характеристики любых, в том числе и одновременных с актом речи, действий и свойств человека или другого живого существа *X*. Можно сказать *Володя любил гулять в Летнем саду*, даже если Володя жив и если у говорящего нет оснований сомневаться, что Володя и сейчас сохраняет эту привычку. Мотивацией такого употребления формы прошедшего времени является тот факт, что *X* выбыл из личной сферы говорящего в результате смены местожительства, работы и т. п. Той же цели служит переход на *вы*, а также обозначение третьего собеседника с помощью местоимений *он* или *она* вместо обозначения с помощью имени.

В заключение этих соображений о личной сфере говорящего имеет смысл обратить внимание на близкое к ней, хотя и не дейктическое, понятие личной сферы героя — любого человека, являющегося предметом высказывания.

Использование понятия личной сферы героя упрощает прежде всего толкования некоторых слов — названий эмоций. К ним принадлежат, в частности, глаголы *гордиться*, *стыдиться* и производные от них существительные и прилагательные. Здесь мы опять сталкиваемся с альтернативой: либо слепым эмпирическим способом перечислить все классы объектов, по поводу которых

³ Этим наблюдением автор обязан беседе с Иреной Дулевич и Эльжбетой Янус.

можно испытывать гордость или стыд, либо указать, что гордятся тем и стыдятся того, что входит в личную сферу человека (разумеется, сам человек входит в свою личную сферу). Последнее описание намного экономней и кажется более верным по существу. Ссылка на личную сферу героя должна содержаться также в толкованиях слов *комплимент*, *обида* и других подобных.

Понятие личной сферы героя непринужденно объясняет особенность одной синтаксической конструкции русского языка, представленной словосочетаниями типа *женщина ослепительной красоты*, *человек большого ума* и т. п. Вершиной этой атрибутивной конструкции является, как правило, существительное, обозначающее человека и при этом имеющее достаточно общее значение. Можно сказать *За столом у окна сидела женщина ослепительной красоты*, но вряд ли *За столом у окна сидела стюардесса ослепительной красоты*. Тексты последнего типа становятся правильными, когда их герои включаются в свою собственную личную сферу; ср. правильное *В салон авиалайнера вошла стюардесса ослепительной красоты*. С другой стороны, правильность/неправильность таких предложений связана с их коммуникативной организацией. Предложение *За столом у окна сидела стюардесса ослепительной красоты* не вполне правильно потому, что в нем есть две ремы одного порядка (или два новых сообщения) — *стюардесса* и *ослепительной красоты*. Предложение *В салон авиалайнера вошла стюардесса ослепительной красоты* вполне правильно, так как первая рема (или первое новое) в нем снимается: вообще говоря, сам факт появления стюардессы в салоне авиалайнера, который, конечно, входит в ее личную сферу, — настолько ординарное событие, что внимание легко скользит мимо него к действительно важной и достойной «высвечивания» информации: необыкновенной красоте стюардессы.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение этого обзора дейктических элементов в составе лексических и грамматических значений полезно обратить внимание на следующее обстоятельство. В лингвистике не раз высказывалась мысль об антропоцентричности языка: для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Так, мы оцениваем размеры животных, соотнося их с нормальными размерами человеческого тела.

Слоны, носороги и бегемоты — большие животные, потому что они больше человека, а зайцы, кошки, хомяки — маленькие животные, потому что они меньше человека.

Надо сказать, что число «антропоцентричных» значений в естественном языке гораздо больше, чем обыкновенно думают. Еще Ч. Пирс, размышляя над такими, казалось бы, чисто физическими понятиями, как «тяжелый», «твердый», «прочный», допускал, что в них может входить представление о человеке. В самом деле, что такое *тяжелый* (о весе)? По нашему мнению, в наивном сознании значение этого слова связывается не столько с массой тела, сколько с количеством усилий, которые нормальный человек должен затратить для манипулирования соответствующими объектами — для их смещения, поднятия, переноса. *Твердый*, в первом приближении, значит ‘такой, поверхность которого трудно деформировать’, а *прочный* — ‘такой, который трудно разрушить’. Возникает вопрос, какая сила мыслится в этих случаях в качестве потенциального каузатора деформации или разрушения? Можно, конечно, считать, что природа этой силы безразлична, — ведь деформировать поверхность предмета или вовсе разрушить его может и камень, извергнутый вулканом. Тогда нужно убрать смысл ‘трудно’ из толкований рассматриваемых слов, заменив его смыслом типа ‘редко’ (деформируется, разрушается). Если же считать, что смысл ‘трудно’ в толкованиях прилагательных *твердый* и *прочный* не случаен, — а в сущности не видно, как можно было бы обойтись без него, — то придется признать, что в качестве конечного потенциального каузатора деформации и разрушения мыслится человек. К сожалению, здесь не место аргументировать этот тезис более подробно.

Ясно, что «человеческий фактор» входит, кроме того, во все оценочные слова и в большинство слов, связанных с понятием нормы, ибо система норм — человеческое установление.

Рассмотрение дейктических элементов в составе лексических и грамматических значений позволяет сделать вывод, что язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен в гораздо большей степени, чем признается в настоящее время. Далеко идущие выводы из этого факта предстоит сделать и лингвистике вообще, и лексикографии в частности⁴.

⁴ Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность И. М. Богуславскому, А. В. Гладкому, М. Я. Гловинской, Л. Л. Иомдину, С. А. Крылову, Н. В. Перцову, В. З. Санникову и А. С. Чехову, которые познакомились с первоначальным вари-

ЛИТЕРАТУРА

1. W i e r z b i c k a Anna. Ethno-syntax and the Philosophy of Grammar // *Studies in Language*, 1979, Vol. 3, N 3, p. 313-383.
2. B ü h l e r K. Sprachtheorie. Stuttgart, 1965.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974
4. L y o n s J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968.
5. L y o n s J. Semantics. Vol. 2. Cambridge, 1977.
6. Speech, Place and Action / Ed. R. T. Jarvella, W. Klein. N. Y., 1982.
7. Here and There. Cross-linguistic Studies on Deixis and Demonstration / Ed. T. Weissenborn, W. Klein. Amsterdam—Philadelphia, 1982.
8. Падучева Е.В., Крылов С.А. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // *Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики*. М., 1984, с. 25-96
9. O p a l k a Hubertus. Representations of Local Ni-Deixis in Swahili in Relation to Bühler's «Origo des Zeigfelds» // *Here and There*, 1982, p. 65-79.
10. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М-Л., 1948-1965.
11. E h l i c h K. Anaphora and Deixis: Same, Similar or Different // *Speech, Place and Action*, 1982, p. 43-63.
12. E h r i c h V. Da and the System of Spatial Deixis in German // *Here and There*, 1982, p. 43-63.
13. R e i c h e n b a c h H. Elements of Symbolic Logic. N. Y., 1947.
14. L e e c h G. H. Towards a Semantic Description of English. London, 1969.
15. C l a r k H. Space, Time, Semantics and the Child // *Cognitive Development and the Acquisition of Language* / Ed. T. Moore. N. Y., 1973, p. 147-168.
16. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974
17. F i l l m o r e Ch. Santa Cruz Lectures on Deixis. Bloomington, 1975.
18. Апресян Ю.Д. Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений // *Восприятие языкового значения: Межвузовский сборник*. Калининград, 1980, с. 27-49
19. H i l l Clifford. Up/Down, Front/Back, Left/Right. A Contrastive Study of Hausa and English // *Here and There*, 1982, p. 13-42.
20. H o t t e n r o t h Priska-Monika. The System of Local Deixis in Spanish // *Here and There*, 1982, p. 133-153.
21. А п р е с я н Ю. Д. О структуре значений языковых единиц // *Tekst i zdanie*. Warszawa, 1983, s. 313-339.

антом работы и сделали ряд критических замечаний, оказавшихся исключительно ценными для автора.

22. Fillmore Ch. Lexical Entries for Verbs. Foundations of Language // International J. of Language and Philosophy, 1968, Vol. 4, ¹ 4.
23. Jakobson Roman O. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb // Selected Writings. Vol. II, Word and Language. The Hague, 1971, p. 130-147.
24. Brecht Richard D. Deixis in imbedded Structures. Foundations of Language // International J. of Language and Philosophy, 1968, Vol. 11, ¹ 4, p. 489-518.
25. Rapoport Gilbert. Deixis and Detachment in the Adverbial Participles of Russian // Morphosyntax in Slavic / Ed. Catherine V. Chvany, Richard D. Brecht. Chelseca, 1980, p. 273-300.
26. Comrie Bernard. Tense. Cambridge, London etc, 1985.
27. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14. Вена, 1984.

Впервые опубликовано в: СиИ, № 28, 1986 г, с. 5-33.